

Конечно, мы несемъ нравственную отвѣтственность за послѣдствія своихъ поступковъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой можемъ предвидѣть эти послѣдствія, но напрасно было бы отговариваться тѣмъ, что мы не могли предвидѣть того, что случится и лишь потому не помѣшали преступленію, совершившемуся у насъ на глазахъ, когда мы имѣли и время, и возможность это сдѣлать; такая отговорка не оправдываетъ насъ не только передъ собственною совѣстью, но даже передъ формальнымъ судомъ.

Того, кто видитъ беззащитнаго человѣка, на котораго нападаютъ разбойники, и кто, не имѣя возможности помочь ему иначе, выстрѣлить и ранить, или даже убить одного изъ нападающихъ, конечно, совѣсть будетъ мучить меньше, чѣмъ того, кто пройдетъ мимо совѣмъ безучастно.

Въ частной жизни, къ счастью, рѣдко встрѣчаются случаи, гдѣ выступала бы въ такой рѣзкой формѣ необходимость противленія злу крайними средствами; другое дѣло въ общественной и государственной дѣятельности.

Принципъ любви и жалости, составляющій глубочайшій источникъ *личной* нравственности, не можетъ сдѣлаться исключительнымъ основаніемъ государственнаго управленія и правосудія, потому что онъ легко переходитъ въ то чувство, которое А. Э. Кони мѣтко охарактеризовалъ названіемъ „жестокой чувствительности“.